

*Е. Г. Калкаев**

**Между Коминтерном и НКВД.
История «письма к матери» Цзян Цзингю
в свете новых данных**

Аннотация. Статья посвящена истории «письма к матери», приписываемого Цзян Цзингю и опубликованного в советской прессе. Разбираются существующие версии написания и публикации письма. С помощью новых архивных данных дополняется его история.

Ключевые слова: Цзян Цзингю, Мао Фумэй, Чэнь Шаоюй, Коминтерн, НКВД, Сун Цинлин, Чан Кайши, Стомоняков, Сталин

*Yevgeny G. Kalkaev***

**Between the Communist International
and the People's Commissariat of Foreign Affairs.
The Story of Jiang Jingguo's «Letter to Mother»
in the Light of New Archival Data**

Abstract. The article is devoted to the «Letter to mother» published in the Soviet press on behalf of Jiang Jingguo. The author analyzes various versions of writing and publishing the letter, and attempts to supplement its history based on new archival data.

Keywords: Jiang Jingguo, Mao Fumei, Chen Shaoyu, Comintern, NKID, Song Qingling, Jiang Jieshi, Stomoniakov, Stalin

* *Калкаев Евгений Геннадьевич*, независимый исследователь, kalkaev@gmail.com

** *Kalkaev Yevgeny Gennadyevich*, Independent Researcher, kalkaev@gmail.com

Цзян Цзинго 蔣經國 (1910–1988), сын Чан Кайши (Цзян Цзеша 蔣介石, 1887–1975), находился в СССР с 1925 по 1937 г. Приехав в Москву на учёбу в Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК) во времена активного сотрудничества советских коммунистов с Гоминьданом, после разрыва этих отношений в 1927 г. он остался в СССР. Тогда же центральный орган большевиков, газета «Правда», опубликовала фрагменты письма Цзяна к отцу. В нём были и такие строки: «Я не могу понять, почему ты раньше говорил мне о необходимости борьбы пролетариата и ты хотел сделать меня революционером. Твои прошлые поступки — обратны с нынешними действиями. Но я сделал то, что ты говорил мне раньше. Я стал революционером! И потому — я твой враг» [Кольцов 1927].

Жизнь сына главного китайского «контрреволюционера» складывалась непросто. После окончания университета он был направлен в ленинградскую Военно-политическую академию им. Н. Г. Толмачёва, которую закончил в 1930 г. За Цзяном тянулся компрометирующий след связей с левой оппозицией, а его имя фигурировало в сфабрикованном деле так называемого «Цзянсу-Чжэцзянского землячества»¹. Он не понёс формальных наказаний, но вскоре после окончания академии в карьере Цзян Цзинго начали происходить резкие зигзаги. Он был слесарем на московском заводе «Динамо», трудился в колхозе, провел некоторое время на Урале, а затем был послан работать на сибирские прииски. В конце 1933 г. его откомандировали на свердловский завод Уралмаш. Там, помимо прочего, он смог реализоваться в качестве автора и редактора местной газеты «За тяжелое машиностроение», в марте 1935 г. во второй раз женился, а в декабре того же года у него родился сын. Наконец, в конце 1936 г. Цзян был переведён из кандидатов в члены ВКП(б). Но фактически всё это время он оставался в заложниках у советской власти.

В декабре 1934 году посольство Китайской Республики в СССР, очевидно по поручению Чан Кайши, настояло на встрече с Цзян Цзинго. Во время визита в Свердловск дипломатический сотрудник пытался уговорить его вернуться в Китайскую Республику, но Цзян отказался. Он понимал, что его судьба не зависит

¹ Подробнее о «землячестве» см.: [Спичак 2012, с. 109–118].

от высказанных желаний, а служит предметом торга в большой политике. В этих обстоятельствах он выбрал стратегию демонстрации преданности советскому строю. Китайский дипломат, убедившись, что Цзян жив и здоров, передал ему письмо от матери и возвратился в Москву.

Публикация «письма к матери» в СССР и его распространение

9 февраля 1936 г. на страницах газеты «Ленинградская правда» был опубликован перевод письма, якобы написанного Цзян Цзинго своей матери, Мао Фумэй 毛福梅 (1882–1939). Основное место в нём уделялось критике Чан Кайши и восхвалению жизни в СССР. Многие в тексте напоминали привычную шаблонную агитку. О Чане говорилось как о предателе интересов страны: «Что делать, мама, если твой муж — Чан Кайши, варварски уничтожает тысячи и десятки тысяч наших братьев, предал свой народ, продал интересы китайской нации? Он — враг целого народа, а следовательно, и непримиримый враг твоего сына». С точки зрения автора письма, для китайцев существовало только две возможные позиции: «лагерь революции и лагерь контрреволюции», и «каждый честный китаец должен принять сторону революции и беспощадно бороться против Чан Кайши, против империализма, за национальное освобождение и за Советский Китай». При этом роль самого Чан Кайши не сводилась к угнетению китайского народа, он также изображался как прямая угроза Советскому Союзу и был назван «одним из лидеров антисоветского фронта на Дальнем Востоке» [Ян Ю-Чен 1936].

Советский Союз в письме описывался как маяк, светящий угнетённым народам, «самая цивилизованная страна в мире», жизнь в которой стремительно менялась в лучшую сторону. Утверждалось, что за десять лет, которые Цзян там провёл, Союз стал «... богатой и сильной промышленной страной. Рабочие и колхозники во много раз улучшили свою жизнь и всё продолжают её улучшать». Последний тезис иллюстрировался ростом благосостояния и условий жизни трудящихся Уралмаша: «На заводе, на котором я работаю, работает 40 000 человек. Для них построен прекрасный социалистический го-

род, великолепные дома. В прошлом году средний заработок у нас на заводе был 220 руб. В этом году он поднялся до 310». Неплохо выглядели и условия самого Цзяна, имевшего квартиру и зарплату 700 рублей в месяц [Ян Ю-Чен 1936]. В конце письма автор сетовал, что в сложившихся обстоятельствах не может посетить Китай и увидеться с матерью. Взамен он предлагал ей выехать в какую-нибудь другую страну для встречи с ним [Ян Ю-Чен 1936].

Большая часть критики в адрес отца на страницах советской прессы выглядела вызывающей, но принципиально не отличалась ни от публикации в «Правде» в 1927 г., ни от привычного набора штампов советской пропаганды. Но был в ней и сложнообразимый для китайского сына фрагмент, затрагивающий уровень личных отношений между родителями. То, что Чан Кайши, проповедуя «теории и нравственные законы Конфуция», на самом деле лжёт, обманывая народ, подтверждалось ссылками на акты семейного насилия, якобы известные автору: «Разве ты не помнишь, мама, кто стащил тебя вниз со второго этажа за волосы? Разве не он? Кого на коленях ты умоляла, чтобы он не выгонял тебя из дому? Разве не его? Кто своими оскорблениями и побоями вогнал в гроб мою бабушку? Не он?» [Ян Ю-Чен 1936]. Этот отрывок, вероятно, был призван не просто воздействовать на эмоции читателей, привыкших к топорным клише, целью удара был сам Чан Кайши. Подобные слова, вложенные в уста сына, выглядели как прямое оскорбление, а публикация делала его публичным.

Текст, напечатанный в «Ленинградской правде», был предварён небольшим введением некоего Ян Ю-Чена, утверждавшего, что «письмо это вызвало большой интерес в Китае и за границей» [Ян Ю-Чен 1936]. Таким образом, создавалось впечатление, что все о нём уже знали, а советские публикаторы лишь перепечатывают известный материал.

Публикация в «Ленинградской правде» не прошла незамеченной. Через несколько дней, 12 февраля 1936 г. на неё отреагировала «Нью-Йорк Таймс». В небольшой заметке с громким заголовком «Сын отрекается от Чан Кайши» кратко пересказывался изначальный текст, но были процитированы самые «горячие» фрагменты [Denny 1936]. В то же время в за-

метку вкралась небольшая хронологическая неточность, из которой можно было сделать ошибочный вывод, что письмо появилось в «Ленинградской правде» 11 февраля².

Судя по всему, несмотря на уверения ленинградской газеты, известие о грубом письме Цзяна по-настоящему широко распространилось в мире лишь после публикации в популярном американском издании. Во всяком случае, похоже, что ни американские газетчики, ни сам Чан Кайши до этого о нём не слышали. Только 14 февраля 1936 г. в дневнике Чана появилась скептическая запись: «Получил известие о том, что сын Цзин [Цзинго] поместил в московской [на самом деле ленинградской] газете письмо к матери, в котором очернил своего отца. Думаю, что письмо сфабриковано, поэтому на сердце у меня спокойно»³.

Объяснение в воспоминаниях Цзян Цзинго

В опубликованных позднее воспоминаниях о проведённом в СССР времени Цзян рассказывал историю письма так: в январе 1935 г. сотрудники Коммунистического интернационала вызвали его из Свердловска в Москву, где глава делегации КПК в Коминтерне и член руководящих органов исполкома последнего Ван Мин 王明 (Чэнь Шаоюй 陳紹禹, 1904–1974) сообщил, что необходимо развеять ходившие в Китае слухи о том, будто бы Цзян арестован. Для этого Чэнь Шаоюй предло-

² Заметка в «Нью-Йорк Таймс» была опубликована как сообщение из Москвы от 11 февраля, при этом в ней утверждалось, что текст в «Ленинградской правде» был напечатан «сегодня». То есть выходило будто бы публикация в «Ленинградской правде» произошла не 9-го, а 11 февраля 1936 г.

³ Цит. по [Панцов 2019, с. 222]. Оригинал: 得經兒在莫斯科報上致其母函詆毀其父之消息，疑信未定，而中心爲之一慰 [Люй Фаншан 2014, с. 16] (Стоит отметить, что Чан всё же не заявляет здесь о том, что письмо сына непременно сфабриковано, но лишь утверждает, что неясно, соответствуют ли полученные Чаном по поводу этого письма сведения действительности. Буквально окончание фразы звучит так: «... [достойны] сомнения [или] доверия [эти сведения] — определённости нет, но в сердце [моём] по их [поводу] одно [только] спокойствие». — *Ред*).

жил ему написать письмо матери. Не успел Цзян Цзинго обрадоваться, как Чэнь добавил: «Мы боялись, что вы почти забыли китайский язык, поэтому подготовили для вас черновик» [Цзян Цзинго].

Цзян некоторое время отказывался подписать заготовленный текст и поддался давлению лишь на четвёртый день. Для этого к нему подослали друга, конфиденциально сообщившего, что если Цзян подпишет письмо, у него будет возможность в будущем вернуться на родину, в противном же случае его жизни может угрожать опасность, так как не исключена фабрикация какого-нибудь обвинения. Продолжая лежать надежду вырваться из Советского Союза, Цзян взамен своей подписи вытребовал разрешение указать в конце письма, что готов за границей встретиться с матерью.

По его свидетельству, на следующий день он показал письмо «министру внутренних дел», т. е. главе НКВД Г. Г. Ягоде (1891–1938), который усомнился в необходимости отправки подобного текста и, поговорив на эту тему с Чэнь Шаоюем, предложил последнему уничтожить письмо. После этого разговора Чэнь Шаоюй позволил Цзяну написать свой собственный вариант письма, который стал намного мягче. Содержание его неизвестно, Цзян лишь упомянул, что не осмелился в нём прямо сказать о желании возвратиться в Китай, намекнув на это словами о тоске по блюдам родной кухни. Цзян также попросил Чэнь Шаоюя вернуть предыдущее письмо, но тот ответил, что уничтожил его. Когда выяснилось, что Чэнь на самом деле отправил письмо в Китай, Цзян Цзинго от переживаний заболел и провёл тринадцать дней в больнице [Цзян Цзинго].

Такова версия Цзян Цзинго о появлении письма, позже опубликованного в «Ленинградской правде». Давая оценку, он указал, что оба варианта «ничего не значат, в первом я написал то, что мне сказали написать, а в другом не осмелился написать, что хотел бы написать». К этому Цзян добавил, что, приехав на Урал, через возвращающегося на родину китайца пытался отправить ещё одно письмо, однако согласившегося помочь арестовали в Чите, и письмо не было доставлено [Цзян Цзинго].

Версии отечественных авторов о написании и публикации письма

В отечественной литературе за последние два десятилетия появилось несколько версий о дате написания и публикации этого «письма к матери». Некоторые из них, несмотря на содержащиеся неточности, воспроизводятся вплоть до настоящего времени, поэтому представляется важным охарактеризовать основные из них.

В 1994 году А. Г. Ларин написал для сборника «Современный Тайвань» раздел, посвящённый жизни Цзян Цзинго в СССР. В нём было кратко упомянуто и о письме, и об объяснениях, данных по его поводу Цзяном. При этом автор указал, что письмо появилось в январе 1935 г. на страницах газеты «Правда» и что Цзян в нём «называет СССР своим отечеством» [Ларин 1994, с. 138–139]. Через несколько лет, в 2000 г., такое же утверждение о публикации в «Правде» в январе 1935 озвучил и Ю. М. Галенович (1932–2020), автор книги «Цзян Чжунчжэн, или Неизвестный Чан Кайши». Почти теми же словами, что и А. Г. Ларин, он сообщил читателю и о признании Цзяном Советского Союза своим отечеством [Галенович 2000, с. 292]. Оба историка не привели источников, по которым дано название газеты и датировка. Забегая вперёд замечу, что в «Правде» письмо никогда не печаталось, а в версии из «Ленинградской правды» (февраль 1936 г.) Цзян не называл Советский Союз ни своей родиной, ни отечеством. Эти утверждения почерпнуты не из советской прессы, а, скорее всего, из работ китайских исследователей, о чём подробнее будет сказано ниже.

Ещё одна версия появилась в 2002 году после публикации биографии Цзяна «Цзян Цзинго: Трагедия и триумф сына Чан Кайши». Её автор военный историк В. П. Галицкий обнаружил в архиве русскоязычный вариант «письма к матери» [Галицкий 2002, с. 129–132]. Отталкиваясь от этого текста, он выдвинул любопытную гипотезу о его происхождении. Не высказываясь прямо об авторстве и подчёркивая, что «у автора [книги] не было возможности убедиться, что это письмо написано лично и по собственной воле самим Цзян Цзинго», Галицкий указал, во-первых, что «анализ содержания письма показывает, что оно написано не китайцем, а русским человеком, и во-вторых, оно не рассчитано на мать Цзян Цзинго как адресата. Это письмо по

своему содержанию является пропагандистским для более широкой аудитории» [Галицкий 2002, с. 132].

Публикация нового варианта письма повлияла и на последующие работы, поэтому стоит остановиться на ней чуть подробнее. С одной стороны, не имеет смысла оспаривать тезис В. П. Галицкого, что письмо было рассчитано на широкую аудиторию и, судя по всему, изначально предназначалось для огласки. Однако утверждение, что его текст был написан носителем русского языка, вызывает серьёзные сомнения. Некоторые фрагменты письма написаны откровенно плохим языком, с искажением элементарных основ грамматики. Вот лишь два характерных примера:

«Твой сын стал действительно счастливым, но не уютным, спокойным и паразитическим существованием, а своей трудовой, свободной жизнью и огромной перспективой в борьбе и сражении за создание счастливого будущего для всего китайского народа.

Просьба, написанная тобой мне в 1927 году, о моём быстрейшем возвращении домой, как видишь пока невыполненной. Зато твой сын нашел себе новый жизненный путь и никогда не вернется домой, чтобы стать бедным, жалким и трусливым человеком в руках отца-негодяя. Твой сын будет твёрдо и смело шагать по совершенно открытой и широкой дороге Китайской революции!»;

или: «Было бы чудо, кто думает, что вчера был сыном генерала, а сегодня он стал сразу коммунистом» [Галицкий 2002, с. 129–130] и т. п.

Трудно согласиться, что в реальности эти строки написаны носителем русского языка, пусть даже не очень грамотным.

Найденный Галицким документ имеет существенные отличия от текста, опубликованного в «Ленинградской правде». В нём есть части, полностью отсутствующие в газете, но нет значительного фрагмента о росте благосостояния советских рабочих, который, наоборот, был представлен в «Ленинградской правде». Во многом этот документ совпадает с вариантом письма, воспроизводимым китайскими исследователями (о нём будет сказано ниже), но, опять же, не полностью. Зато с «китайским» его сближает несколько более жёсткий тон и большее количество формулировок с личными нападка на Чан Кайши. Например, там есть такой, отсутствующий в «Ленинградской правде», отрывок: «Пишу эти строки, и у меня сжимаются кулаки и в сердце горит гнев и нена-

висть к врагу — гадине, который должен быть сметён с лица земли» [Галицкий 2002, с. 130]. Также в варианте, опубликованном Галицким, как и в китайских публикациях присутствуют пассажи, в которых Цзян Цзинго называет СССР своей родиной.

Публикация этого документа не только представила интересный материал для сравнения, но и добавила трудности к вопросу датировки письма. В конце письма стоит число: 23 ноября 1935 г., но не ясно, обозначает ли оно дату написания, или, например, дату перевода на русский язык китайского оригинала, дату подготовки очередного варианта текста или отправки документа. Проблемы анализа усугубляются тем, что автор книги не только не сделал описания документа, но и не указал ссылку на источник. Таким образом, другие исследователи оказались лишены возможности провести дополнительный анализ и самого текста, и документального контекста архивного дела⁴.

В 2019 г. российско-американский историк А. В. Панцов опубликовал солидную биографию Чан Кайши, в которой упоминается и письмо Цзян Цзинго. В отличие от вышеупомянутых источников, в книге дана корректная информация о публикации письма: указывается, что оно было напечатано 9 февраля 1936 г. в «Ленинградской правде». Охарактеризовав содержание письма, автор упоминает объяснение Цзян Цзинго и приводит дневниковую запись Чан Кайши, отмечая: «Чан был прав: письмо действительно было фальшивое: ещё 23 ноября 1935 года его написал Ван Мин, глава делегации КПК в Коминтерне» [Панцов 2019, с. 222]. Получается, информацию о реальном авторе письма А. В. Панцов взял из воспоминаний Цзян Цзинго, а датировку письма из работы Галицкого.

А. В. Панцов также сделал резонное предположение, что о публикации должен был знать и сам И. В. Сталин (1878–1953): «Понятно, что, публикуя фальшивое письмо Цзинго к матери, Ван Мин действовал не на свой страх и риск: он должен был получить разрешение на самом верху, ибо все вопросы, касавшиеся отношений с Китаем, вождь с 1925 года держал под личным контролем. Очевидно, Сталин лишний раз захотел помахать перед носом Чана, не спешившего капитулировать, своим крупным козырем» [Панцов 2019,

⁴ При подготовке данной статьи на письмо с просьбой предоставить архивный шифр документа В. П. Галицкий ответил отказом, предложив пользоваться «фактом публикации в моей книге».

с. 223]. Впрочем, каким бы убедительным не казался вывод, в реальной истории бывают исключения. Ниже будет показано, что, судя по всему, Сталин не был информирован о махинации с письмом.

В завершении этого неполного обзора упомяну и статью «Жизнь Цзян Цзинго в СССР и возможное формирование его мировоззрения», написанную в соавторстве А. Г. Лариным и А. В. Лукиным. В 2021 г. статья была опубликована на тайваньском интернет ресурсе на английском языке. В ней говорится, что письмо было напечатано в «Ленинградской правде», но ссылка даётся на ошибочную дату: 11 февраля 1936⁵. В комментарии также упоминается, что согласно Галицкому, который опубликовал рукопись письма, на самом деле оно было написано 23 ноября 1935 г. [Larin, Lukin 2021 p. 25]⁶.

Таким образом, в отечественной литературе встречаются разные и противоречивые мнения по поводу написания и публикации «письма к матери». Если отбросить очевидные заблуждения, такие как публикация в «Правде», вместо публикации в «Ленинградской правде», публикация в советской прессе в январе 1935 г. или даже 11 февраля 1936, вместо 9 февраля 1936, открытыми остаются вопросы: верен ли вывод из книги Галицкого, что письмо было написано 23 ноября 1935 г., откуда появилось упоминание января 1935 г. и имеет ли оно отношение к письму.

Японский источник «письма к матери» и его преломление в работах китайских авторов: корректность датировки письма и искажение информации о публикации

Как было отмечено выше, значительное количество китайских авторов при упоминании или цитировании «письма к матери» датируют его январём 1935 г. Некоторые пишут и о публикации письма на страницах «Правды», (некоторые правильно — «Ленинградской правды») в январе 1935 г. [Сюй Су 1988, с. 33; Дун Вэйкан и др. 1988, с. 41]. Судя по всему, и корректная дати-

⁵ Можно предположить, что ошибка возникла из-за упомянутой неточности в «Нью-Йорк Таймс», по которой на самом деле была сделана датировка.

⁶ В 2023 г. авторы опубликовали эту статью на русском языке. В новой версии отсутствует точное число публикации письма в «Ленинградской правде», также был убран и фрагмент с упоминанием 23 ноября 1935 г. как предполагаемой даты написания письма [Ларин, Лукин 2023].

ровка письма, и путаница со временем его печати на страницах советской прессы произошли из одного источника.

Отправной точкой информации послужило японское издание документов по истории Китайской коммунистической партии под редакцией журналиста и синолога Хатано Кэнъити (1890–1963) [Хатано Кэнъити 1961, с. 149–157]. В нём на японском языке без указания источника был опубликован и текст «письма к матери». А позже он был переведён китайскими исследователями⁷. Эта версия письма заметно отличается от опубликованной в «Ленинградской правде» и во многом близка к версии, обнаруженной В. П. Галицким.

Текст датирован 23 января 1935 г. Данная дата кажется корректной, близкой к его подписанию или отправке. Дополнительным свидетельством в пользу её аутентичности является небольшое послание Цзян Цзинго к Сун Цинлин 宋慶齡 (1893–1981), хранящееся в мемориальном музее Сун в Шанхае. В этом послании Цзян или кто-то другой от его имени сообщал вдове Сунь Ятсена, что отправил письмо матери в Китай, но опасается его возможного перехвата чиновниками Чан Кайши. Далее следует просьба передать копию «письма к матери» адресату или же опубликовать её в прессе [1935 нянь]. То есть это послание к Сун Цинлин было не чем иным, как сопроводительной запиской к копии «письма к матери». Подписано оно также 23 января 1935 г., что совпадает с числом из публикации Хатано Кэнъити, таким образом эта датировка получает понятное подкрепление⁸.

Что касается ошибочной информации о публикации письма в советской прессе в январе 1935 г., проникшей и в работы отечественных авторов, судя по всему, её источником также было издание, подготовленное Хатано Кэнъити. Причиной курьёза могло стать небольшое примечание, в котором говорилось, что письмо было передано Цзян Цзинго в Китай через друга «и в тоже вре-

⁷ Ссылки на «Историю Коммунистической партии Китая» как источник текста письма у китайских авторов см.: [Сюй Су 1988, с. 33–34; Юань Наньшэн 2005, с. 326].

⁸ При этом доподлинно неизвестно, был ли в действительности оригинал письма к Мао Фумэй отправлен ранее, как это утверждается в записке. Как будет показано ниже, одна из первых попыток передачи письма по дипломатическим каналам не увенчалась успехом, о других же в настоящий момент ничего не известно.

мя» опубликовано в прессе [Хатано Кэнъити 1961, с. 149]. Вероятно, китайские авторы восприняли слова «в тоже время» слишком буквально, решив, что публикация тоже произошла в январе 1935 г., что не соответствует действительности⁹.

Говоря о тексте письма, появившемся в японском издании и о сопроводительной записке из музея Сун Цинлин, можно сделать предположение, что речь идёт о самой первой версии «письма к матери», которую упоминает в своих воспоминаниях Цзян Цзинго. Т. е. том письме, которое Чэнь Шаоюй всё же переправил в Китай. В связи с этим встаёт ряд закономерных вопросов: было ли это письмо передано адресату или в китайскую прессу и почему почти за целый год, прошедший от получения письма Сун Цинлин¹⁰ до публикации в «Ленинградской правде», о нём ничего не было известно? Ответы на эти вопросы будут даны в заключительной части статьи.

Коминтерн vs НКВД. Межведомственная борьба вокруг «письма к матери»

Из воспоминаний Цзян Цзинго мы знаем, что одной из ключевых фигур в истории с «письмом к матери» был известный деятель китайской компартии и Коммунистического интернационала Чэнь Шаоюй (Ван Мин). В конце 1920-х гг., демонстрируя преданность сталинскому курсу и став близким соратником ректора УТК П. Мифа (1901–1939), Чэнь активно боролся против реальной и выдуманной оппозиции, в то же время укрепляя своё влияние в коммунистическом движении. Чэнь был основным инициатором фабрикации дела «Цзянсу-Чжэцзянского землячества», а среди руководства этой придуманной организации фигурировало и имя Цзян Цзинго. В первой половине 1930-х гг. Чэнь как глава делегации КПК стоял за некоторыми из злоключений Цзяна, а в начале 1935 г. заставил подписать злосчастное письмо.

⁹ У китайских исследователей встречаются также и другие варианты информации о публикации. Например, Юань Наньшэн говорит о том, что письмо было опубликовано в «Ленинградской правде», но в январе 1936 г. При этом верно указан месяц публикации в «Нью-Йорк таймс» [Юань Наньшэн 2005, с. 326].

¹⁰ Из отметки на письме следует, что оно было получено 22 февраля 1935 г. [1935 январь].

А. В. Панцов совершенно прав, когда указывает, что идея с письмом должна была получить одобрение на самом высоком уровне. Однако обстоятельства, о которых пойдёт речь ниже, свидетельствуют, что информация о плане Чэня до Сталина, похоже, не дошла. При этом с некоторой долей вероятности можно допустить, что Чэнь Шаоюй обсуждал свой замысел с одной из ключевых фигур Исполкома Коминтерна, В. З. Мануильским (1885–1959), который помимо прочего играл важную роль в координации связи руководства ВКП(б) с этой международной организацией.

Однако пока деятели Коммунистического интернационала пытались реализовывать свою коварную задумку, руководство советского внешнеполитического ведомства — Народного комиссариата иностранных дел — смотрело на «письмо к матери» со своей перспективы. Пролить свет на позицию НКИД помогает документ, выявленный в Архиве внешней политики РФ, который свидетельствует: Наркомат иностранных дел стал серьёзным противником провокации с использованием письма к Мао Фумэй. Через две с половиной недели после появления письма на страницах «Ленинградской правды» заместитель наркома иностранных дел, руководитель 2-го Восточного отдела Б. С. Стомоняков (1882–1941) написал сообщение на имя Сталина¹¹. В нём он информировал секретаря ЦК ВКП(б) о полученном представлении от китайского посла в связи с напечатанным письмом, доносил имевшуюся у него информацию о попытках отправить письмо в Китай, просил санкционировать разбирательство дела и наказать ответственных за публикацию. По словам Стомонякова, в контексте существовавших в то время отношений с китайским правительством, публикация нанесла «нам несомненный вред» [АВПРФ, ф. 05, оп. 16, п. 114, д. 2, л. 174].

Из сообщения замнаркома можно узнать, что сотрудники НКИД приложили усилия, чтобы препятствовать доставке письма адресату. Стомоняков писал Сталину о том, что 20 февраля 1935 г. Цзян Цзинго (или кто-то вместо него?) прислал в НКИД копию письма с просьбой передать его в посольство Китайской Респуб-

¹¹ Его копии были направлены ближайшим сталинским соратникам: В. М. Молотову (1890–1986), Л. М. Кагановичу (1893–1991), К. Е. Ворошилову (1881–1969) и С. Орджоникидзе (1886–1937), а также наркому иностранных дел М. М. Литвинову (1876–1951).

лики для отправки Мао Фумэй. В дипломатическом ведомстве сочли невозможным переправить подобное послание. Слишком уж было похоже, что текст инспирирован советской стороной. Через Наркомат внутренних дел и свердловские партийные структуры Цзяну предложили отредактировать письмо, «изъяв оттуда ругательные выпады по адресу Чан Кайши». Однако и новая версия, полученная отпечатанной на русском языке, не сильно отличалась от предыдущей, поэтому также была забракована НКВД [АВПРФ, ф. 05, оп. 16, п. 114, д. 2, л. 173].

Летом того же года Цзян приехал в Москву и встретился с наркомом внутренних дел Ягодой. При этом замнаркома иностранных дел заблаговременно попросил главу силового ведомства лично принять Цзяна и убедить, что блокировка отправки письма не означает недоверия. Это утверждение отчасти соотносится и со словами Цзяна, вспоминавшего, что Ягода в разговоре с ним высказался о нежелательности отправки письма в Китай [АВПРФ, ф. 05, оп. 16, п. 114, д. 2, л. 173].

Казалось, проблема была решена, но, как известно из вышесказанного, как минимум ещё одна копия письма была отправлена Сун Цинлин. Какое-то время вдова Сунь Ятсена (Сунь Ис-янь 孫逸仙, 1866–1925) не знала, как поступить — её мучали сомнения, не повлечёт ли за собой выполнение просьбы негативные политические последствия. Из документа, отправленного Стомоняковым Сталину, следует, что не решившись взять на себя ответственность за передачу письма, в конце весны или начале лета 1935 г. Сун Цинлин пришла с ним к полномочному представителю Советского Союза в Китае — Д. В. Богомолу (1890–1938). Богомоллов поддержал её сомнения и рекомендовал письмо не передавать [АВПРФ, ф. 05, оп. 16, п. 114, д. 2, л. 173–174].

То есть НКВД дважды успешно воспрепятствовал передаче письма матери Цзян Цзинго: сначала не допустив его отправки через посольство Китайской Республики, затем уже в Китае подержав Сун Цинлин в желании отказаться от доставки и публикации. Мотивом советских дипломатов послужило нежелание ухудшения советско-китайских отношений в результате вызывающей и довольно примитивной провокации. При этом, насколько можно судить из сообщения Стомонякова, НКВД не знал о роли сотрудников Коминтерна в истории с письмом: призывая нака-

зять виновных в публикации, замнаркома полагал, что газета напечатала его «без согласования с компетентными органами» [АВПРФ, ф. 05, оп. 16, п. 114, д. 2, л. 174].

Сталин не оставил без внимания сообщение Стомонякова и через несколько дней, 10 марта 1936 г., на заседании Политбюро Центрального комитета ВКП(б) поставил точку в этой истории. Постановлением Политбюро от этого числа «за опубликование в газете “Ленинградская правда” письма сына Чан-Кайши к матери без согласия НКВД и за неоднократные нарушения директив ЦК о порядке опубликования иностранной информации» редактор газеты Д. П. Белицкий (1894–1941) был снят с должности и получил строгий выговор.

Постановление также свидетельствует о роли работников ИККИ в этой публикации. В нём предлагалось Мануильскому наладить контроль за печатью зарубежной информации и сделать так, чтобы «работники иностранных издательств и **сотрудники ИККИ** (выделено мной. — *Е. К.*) не могли бы самовольно передавать иностранную информацию для печати в СССР без санкции Мануильского». Более того, Политбюро обязало самого Мануильского, в случае если он одобрит публикацию подобных текстов, «согласовывать это дело с отделом печати ЦК ВКП(б) или НКВД».

Из текста постановления однозначно не ясно, согласовывали ли Чэнь Шаоюй свой план с письмом непосредственно с Мануильским, однако хорошо видно, что Политбюро и, прежде всего, Сталин были раздосадованы самостоятельностью не только редактора газеты, но и сотрудников ИККИ. И именно Мануильского как одну из центральных фигур ИККИ обязали обеспечить такой порядок, чтобы подобное больше не повторялось.

Таким образом, благодаря выявленному в Архиве внешней политики РФ документу и анализу других доступных источников, сюжет с «письмом к матери» стал значительно яснее. Опираясь на эти данные, оказалось возможным устранить некоторые распротранённые заблуждения, а также вписать историю письма в широкий контекст противостояния двух полюсов советской внешней политики 1930-х — Коминтерна и Наркомата иностранных дел.

Имеющихся данных достаточно, чтобы представить историю коминтерновского плана в общих чертах. Вероятно, он начал складываться вскоре после того, как в конце 1934 г. представитель китайского посольства навестил Цзяна в Свердловске и передал ему письмо от матери. В начале 1935 г. Чэнь Шаоюй подготовил и заставил Цзян Цзинго подписать вызывающее послание. Конечной целью плана было широкое обнародование письма, которое могло нанести ущерб репутации Чан Кайши, выставив его объектом оскорбительных нападок со стороны сына. Чтобы замаскировать след Коминтерна и усилить пропагандистский эффект, предполагалось сначала опубликовать письмо в Китае или хотя бы передать непосредственно Мао Фумэй. Было осуществлено как минимум две попытки отправить письмо: через Сун Цинлин и дипломатические каналы¹². Но в этом отношении план провалился: советские дипломаты воспрепятствовали распространению письма в Китае и получению его адресатом. Судя по всему, против отправки письма был и глава НКВД Г. Ягода.

В результате 6 февраля 1936 г., через год после подписания первой версии, «письмо к матери» было опубликовано в «Ленинградской правде». Оно вызвало возмущение официальных представителей Китая, но сам Чан Кайши, как видно из его дневниковой записи, справедливо отнёсся к нему как к подделке. Письмо выглядело как крайне оскорбительная, но топорная попытка его уколоть.

Что касается самого письма, на данный момент известны три его версии. Одна из них, представленная японским текстом, который опубликовал Хатано Кэнъити и его китайскими переводами, была отправлена из СССР в Китайскую Республику в конце января 1935 г. Датировка 23 января 1935, фигурирующая в японском издании достоверна и подтверждается сопроводительным письмом к Сун Цинлин. Утверждение Цзян Цзинго о том, что именно в это время Чэнь Шаоюй заставлял его подписать «письмо к матери», свидетельствует, что речь идёт о первом из извест-

¹² Вероятно, обе отправки были осуществлены приблизительно в одно время или же письмо к Сун Цинлин было отправлено чуть раньше, чем письмо в НКВД. Такой вывод можно сделать, если допустить, что письмо к Сун Цинлин действительно отправлено около 23 января 1935 г., а письмо в НКВД шло менее четырёх недель (по утверждению Стомонякова, оно получено 20 февраля 1935 г.).

ных вариантов текста¹³. Он был перенасыщен грубой критикой в адрес Чан Кайши и выражениями личной ненависти. В частности, в нём есть отсутствовавший в «Ленинградской правде» фрагмент, где от имени объятого гневом Цзяна говорится о необходимости избавиться от Чан Кайши. В этой версии Цзян не только называл отца своим врагом и врагом китайского народа, но и отказывался от родины, признавая её Советский Союз.

О втором варианте, опубликованном Галицким, из-за недостатка информации можно сказать немного. Текст его ближе к первому («японскому») варианту. Также кроме других незначительных различий в нём отсутствует фрагмент, имевшийся и в первом варианте, и в версии, опубликованной в «Ленинградской правде» (в этом отрывке на примере Уралмаша описывалось улучшение жизни советских рабочих). Датировка этого варианта (23 ноября 1935 г.) не имеет отношения ко времени создания первой версии письма. Также она не совпадает по хронологии ни с исправленной версией письма, которая, по словам Стомонякова, была получена НКВД¹⁴, ни с упоминаемыми в других источниках вариантами текста. Следует также отметить, что гипотеза об авторе письма из числа носителей русского языка представляется неудовлетворительной.

Наконец, третий из известных вариантов был опубликован 6 февраля 1936 г. в «Ленинградской правде». По словам Стомонякова, он является «точным переводом» письма, первоначально присланного Цзяном в НКВД. Но по сравнению с двумя упомянутыми версиями («японской» и версией Галицкого), этот вариант имеет некоторые «смягчения», хотя и содержит (как все варианты) оскорбительный пассаж об отношениях Чан Кайши к жене и теще. Не исключено, что меньший набор ругани в адрес Чан Кайши мог быть следствием редакторской правки уже в газете, а не результатом намерения снизить уровень нападок на китайского лидера.

В то же время как минимум одно письмо, написанное, по словам Цзян Цзинго им самим с разрешения Чэнь Шаоюя, неиз-

¹³ Были ли другие версии письма, которые согласовывались до предъявления его на подпись Цзяну, неизвестно.

¹⁴ Из сообщения Стомонякова видно, что второй вариант письма был прислан в НКВД до приезда Цзяна в Москву летом 1935 года [АВПРФ, ф. 05, оп. 16, п. 114, д. 2, л. 173].

вестно. Также непонятно, можно ли текст на русском языке, присланный в Наркомат иностранных дел во второй раз, соотнести с какой либо из известных версий «письма к матери».

Следует также признать, что некоторые моменты, связанные с историей письма требуют дальнейшего уточнения. Сообщение Стомонякова и воспоминания Цзян Цзинго значительно расходятся относительно времени встречи Цзяна и главы НКВД Ягоды; остаётся неясным, когда, откуда и при каких обстоятельствах была отправлена версия письма в Наркомат иностранных дел для передачи в посольство Китайской Республики; насколько достоверно утверждение Стомонякова, что опубликованный в «Ленинградской правде» текст был «точным переводом» первой версии письма, полученной НКВД. Не исключено, что пролить свет на эти вопросы способны дальнейшие архивные изыскания, а также открытие до сих пор недоступных материалов отечественных архивов.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Приписываемое Цзян Цзинго письмо и заметка Ян Ю-Чена, опубликованные 9 февраля 1936 г. в «Ленинградской правде»

Ниже мы приводим письмо Чан Чжинго (Цзян Цзинго. — Е. К.), сына Чан Кайши, посланное им матери в Китай. Письмо это вызвало большой интерес в Китае и за границей. За последнее время студенческое движение протеста против японской агрессии приобрело значительные размеры. Чан Кайши созвал студенческую конференцию, которая должна была разложить студенческое движение изнутри. Разумеется, эта конференция была монополией кучки реакционных студентов, приспешников Чан Кайши. Среди «делегатов» этой конференции был другой сын Чан Кайши¹⁵. В связи с этим интересно сравнить двух сыновей Чан Кайши: один коммунист, другой ярый реакционер.

Приводим перевод письма:

«Дорогая мама!

Десять лет прошло с тех пор, как вы послали меня в Москву. При нашем расставании ты пожелала мне стать счастливым и богатым. Сейчас твоё желание сбылось, — но не в буквальном смысле слова.

¹⁵ Речь идёт о приёмном сыне Чан Кайши Цзян Вэйго 蔣緯國 (1916–1997).

Твой сын стал богат, но не землями, недвижимым имуществом или деньгами. Он обогатился знанием жизни людей и постиг методы освобождения угнетённого и эксплуатируемого человечества.

Твой сын счастлив тем, что он добыл себе не беззаботное и паразитирующее существование, а трудовую и свободную жизнь, посвящённую борьбе за спасение китайского народа.

В 1927 году ты писала мне, чтобы я вернулся в Китай. До сих пор это ещё не выполнено. Но твой сын нашел дорогу к новой жизни, и он никогда не вернется домой, чтобы влачить там существование жалкого и робкого орудия в руках негодяя отца. Твой сын будет решительно и смело идти вперед по широкой дороге китайской революции.

Что делать мама, если твой муж — Чан Кайши — варварски уничтожает тысячи и десятки тысяч наших братьев, предал свой народ, предал интересы китайской нации? Он — враг целого народа, а следовательно, и непримиримый враг твоего сына. Мне стыдно перед китайским народом, что у меня такой отец.

Сейчас Чан Кайши проповедует теории и нравственные законы Конфуция. Мама, это только новый способ обманывать народ.

Разве ты не помнишь, мама, кто стащил тебя вниз со второго этажа за волосы? Разве не он? Кого на коленях ты умоляла, чтобы он не выгонял тебя из дому? Разве не его? Кто своими оскорблениями и побоями вогнал в гроб мою бабушку? Не он? Всё это сделал человек, который теперь проповедует нравственные правила Конфуция и болтает о сыновней любви и семейной нравственности.

Он купил себе великолепные имения, организовал ряд предприятий и компаний. Откуда он взял эти деньги? Разве он добыл их не ограблением бедняков? Кто говорил раньше о защите интересов рабочих и крестьян, о союзе с коммунистами? Разве не тот самый человек, который сейчас убивает революционных рабочих и крестьян Китая? Кто говорил, что Советский Союз — наш друг и что мы должны вступить с ним в союз? Разве не тот же человек, который теперь стал одним из лидеров антисоветского фронта на Дальнем Востоке? Кто брал займы у Японии и у других империалистических держав, распродавая нашу территорию? Все, все эти преступления совершил Чан Кайши, предатель нашей родины, ненавистный всему народу. И он смеет проповедовать “новую жизнь”, возрождение древней морали.

Многим может показаться странным, как это сын милитариста стал коммунистом. Однако в этом нет ничего удивительного. Моё глубокое убеждение в правоте коммунизма — результат моего усердного изучения и освоения революционной теории. Революционная теория помогает мне ясно видеть истинные причины всех событий и перемен.

Мама, разве за эти последние пять лет ты не была свидетельницей убийств и арестов? Разве ты не видела, как умирают от голода миллионы? Разве ты не видела, как империалисты убивают наших соотечественников в нашей собственной стране? За всё это ответственен Чан Кайши и его клика. Поддерживаемый империалистами, он организовал шесть походов против китайских советов, против той власти, которая искренне борется за спасение Китая и его независимость. Чан Кайши следует по стопам бывших царских генералов Колчака, Деникина и Юденича, и я не сомневаюсь, что в конце концов его постигнет та же судьба, что и их.

В Китае есть только два лагеря: лагерь революции и лагерь контрреволюции. Каждый честный китаец должен принять сторону революции и беспощадно бороться против Чан Кай-ши, против империализма, за национальное освобождение и за Советский Китай.

Рабочие и крестьяне Китая идут сейчас по пути русских рабочих, создавая советскую власть. Я уже десять лет живу в Советском Союзе. За эти десять лет страна совершенно изменила свое лицо, стала богатой и сильной промышленной страной. Рабочие и колхозники во много раз улучшили свою жизнь и все продолжают ее улучшать. На заводе, на котором я работаю, работает 40 тысяч человек. Для них построен прекрасный социалистический город, великолепные дома. В прошлом году средний заработок у нас на заводе был 220 руб. В этом году он поднялся до 310 рублей.

До 1930 года я учился в различных учебных заведениях Москвы. Потом я пошел работать на завод, вначале рабочим, затем техником, сейчас я начальник цеха. В моем цехе 4 тысячи рабочих. У меня отдельная квартира и я зарабатываю в месяц 700 руб. Я пишу об этом потому, что, как мне передавали, в Китае ходят слухи, будто со мной в СССР плохо обращаются. Это просто смешно, ты можешь быть уверена, что политика советского правительства по отношению к его гражданам нисколько не

похожа на политику Чан Кайши по отношению к китайскому народу. Советский Союз — самая цивилизованная страна в мире. Он светит, как маяк в бурном море, угнетенным всего мира.

Я рад, что я живу здесь, потому что Советский Союз с каждым днем становится всё сильнее, он вызывает страх у врагов, и враги стараются всеми средствами оклеветать его. Я обращаюсь ко всем с призывом защищать страну социализма, бороться за независимость Китая и за установление в Китае власти Советов!

Мама, я очень хочу видеть тебя. Я хотел бы видеть тебя в ближайшее время. Но как мне ни жаль, я не могу ещё встретиться с тобой в Китае. Если бы ты могла уехать куда-нибудь в другую страну, я готов выехать туда, чтобы встретиться с тобой.

Желаю тебе всего хорошего

Твой сын Чжинго (Цзинго. — Е. К.)»

Ян Ю-чен

«Ленинградская правда». 9 февраля 1936 г. С. 2.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Сообщение Б. С. Стомонякова И. В. Сталину¹⁶

Москва, 26 февраля 1936 г.

№ 5221

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) — тов. СТАЛИНУ.

КОПИИ: тт. МОЛОТОВУ, КАГАНОВИЧУ, ВОРОШИЛОВУ и ОРДЖОНИКИДЗЕ¹⁷

Уважаемый товарищ.

Китайский посол д-р Янь¹⁸ сделал мне серьезное представление по поводу опубликования в «Ленинградской правде» от

¹⁶ На документе имеется печать секретариата наркома иностранных дел с входящим № 733, 27.2.1936.

¹⁷ Копия также послана наркому иностранных дел Литвинову.

¹⁸ Написание отдельных слов и выражений, а также пунктуация откорректированы с учётом современных норм русского языка. Китайские имена там, где они известны, даны в современной транскрипции. В отдельных случаях указывается написание имён в оригинале.

9 февраля статьи «Письмо сына Чан-Кай-ши к матери». В этой статье (я прилагаю номер «Ленингр. правды») после небольшого отступления от автора Ян-Ю-Чена приведено текстуально письмо сына Чан Кайши Цзян Цзинго¹⁹, работающего под фамилией Елизаров на Уралмаше в Свердловске. Автор статьи при этом сообщает, будто это письмо уже было опубликовано в Китае и за границей, где вызвало интерес.

Китайский посол с большим возмущением (я никогда не видел его таким взволнованным) говорил о неслыханности опубликования этого письма, во-первых, потому что оно содержит прямую ругань (сын Чан Кайши называет в этом письме своего отца «негодяем»), во-вторых и в особенности, вследствие того, что в письме приводятся такие факты из личной жизни как то, что муж стащил свою жену вниз со второго этажа за волосы, что он избивал мать жены и т.п. Янь говорил, что даже если это соответствует действительности, опубликование письма с подобными фактами является неслыханным в любой культурной стране (у меня осталось впечатление, что Янь считает эти факты правдоподобными). Янь указал, наконец, на то, что в письме содержится и очевидная неправда, поскольку Чан Кайши изображается перед советской общественностью в качестве одного из лидеров, возглавляющих борьбу против СССР на Дальнем Востоке. — Д-р Янь сказал, что это письмо уже известно в Китае и вызвало там чрезвычайное негодование. Посол заявил, что он опасается весьма вредного влияния опубликования этого письма на советско-китайские отношения и спросил меня, как я отношусь к этому опубликованию и нельзя ли было бы опубликовать опровержение с заявлением, что редакция была введена в заблуждение, что такого письма на самом деле не было или что-нибудь подобное.

Я ответил, что я ничего об этом не знаю, но что если то, что говорит посол, соответствует действительности, я очень сожалею об опубликовании статьи, направленной против фактического главы китайского государства. Я приму меры для расследования, и если окажется, что сын Чан Кайши не посылал этого письма, то, конечно, редакция опубликует опровержение. Если же это

В оригинале здесь и далее — Йень. Имеется в виду Янь Хуйцин 顏惠慶 (1877–1950), посол Китая в СССР в 1933–1936 гг.

¹⁹ В оригинале — Чан-Чжин-го.

письмо было действительно послано, то я не представляю себе, как можно поправить то, что было сделано. В ответ на просьбу посла я обещал ещё раз вернуться к этому делу.

В действительности сын Чан Кайши послал такое письмо и опубликованный в «Ленинградской правде» текст является точным переводом этого письма. История его такова. В 1934 г. тот же посол Янь неоднократно обращался в НКВД с просьбой разрешить ему встречу с сыном Чан Кайши. Ввиду циркулировавших в Китае слухов, что он якобы арестован и сослан. По согласованию с т. Ягодой в декабре 1934 г. представителю китайского посольства было разрешено выехать в Свердловск и передать там лично Елизарову письмо от матери. Сын Чан Кайши вел себя при этом свидании твердо и с достоинством и заявил, что он доволен своей жизнью и работой в СССР и не собирается возвращаться в Китай. 20.II–1935 г. Елизаров прислал в НКВД тот самый ответ матери, который опубликован теперь в «Ленинградской правде», с просьбой передать его в посольство для отправки в Китай. Исходя из того, что письмо подобного содержания и формы, к тому же переданное через НКВД, было бы расценено и изображено в Китае как продиктованное нами или по крайней мере написанное под нашим влиянием, мы через НКВД просили наши парторганы в Свердловске переговорить с Елизаровым и просить его перередактировать свое письмо, изъяв оттуда ругательные выпады по адресу Чан Кайши. Елизаров переслал второе письмо, мало чем отличавшееся от первого и к тому же написанное по-русски и на русской машинке. В июне месяце Елизаров приехал в Москву и добивался приема в НКВД и НКВД. Так как у него возникли подозрения, что мы ему не доверяем и что именно поэтому считаем нецелесообразной отправку написанного им письма в Китай, я договорился с т. Ягода о том, чтобы он лично принял Елизарова, разъяснил ему существо дела и заверил его в том, что он лично вне всяких подозрений и пользуется нашим полным доверием. После этого Елизаров вернулся в Свердловск, где и работает по настоящее время. Тем не менее в июне пр[ошлого] года т. Богомолов сообщил мне, что вдова Сунь Ятсена Сун Цинлин получила для пересылки матери Елизарова первоначальный текст письма. Однако, считая это письмо политически вредным, передала его тов. Богомолу с просьбой сообщить, целесообразно ли его передавать по назначению. Тов.

Богомолов целиком согласился с Сун Цинлин о недопустимости передачи письма, и я подтвердил правильность его мнения. Судя по опубликованию в «Ленинградской правде», письмо это было каким-то образом послано по назначению.

Опубликование этого письма в «Ленинградской правде» в нынешний момент наших отношений с Нанкинским правительством нанесло нам несомненный вред и является недопустимым также и с формальной точки зрения, поскольку газета без согласования с компетентными органами не имела права публиковать подобный документ.

Ввиду этого НКВД просит Вашего распоряжения о расследовании этого дела и о привлечении к ответственности виновных.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Упомянутое²⁰.

С товарищеским приветом
/Б. Стомоняков/

АВПРФ, ф. 05, оп. 16, п. 114, д. 2, л. 171–174.
7-й экземпляр, машинопись.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

О порядке опубликования иностранной информации

Постановление ЦК ВКП(б)²¹

1. За опубликование в газете «Ленинградская правда» письма сына Чан-Кайши к матери без согласования с НКВД и за неоднократные нарушения директив ЦК о порядке опубликования иностранной информации, снять с работы редактора «Ленинградской правды» тов. Белицкого и объявить ему строгий выговор.

2. Обязать отдел печати ЦК ВКП(б) совместно с Ленинградским обкомом просмотреть и укрепить состав работников редакции «Ленинградской правды» и в первую очередь иностранного отдела.

²⁰ Приложение, тождественное статье в «Ленинградской правде», не публикуется.

²¹ В начале текста вычеркнуто «Проект». Внизу документа рукописная помета: «Вып[иски]. Белицкому — 1. Жданову — 1,2. Ежову — все. Талю — все. Крестинскому — все. Мануильскому — 3.

3. Предложить т. Мануильскому установить порядок, при котором работники иностранных издательств и сотрудники ИККИ не могли бы самовольно передавать иностранную информацию для печати в СССР без санкции Мануильского.

Обязать т. Мануильского в тех случаях, когда он считает необходимым поместить в русской печати соответствующую иностранную информацию, согласовывать это дело с отделом печати ЦК ВКП(б) или НКВД.

№ 38/7

10.III.36

За — И. Ст[алин]

т. Андреев — за

Мол[отов]

Л. Каганович

т. Калинин — за

т. Чубарь — за

т. Микоян — за

РГАСПИ, ф. 17, оп. 166, д. 558, л. 5.

Оригинал, машинопись с рукописными пометами.

Источники и литература

АВПРФ — Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ).

Галенович 2000 — *Галенович Ю. М.* Цзян Чжунчжэн, или Известный Чан Кайши. М.: Издательский дом «Муравей», 2000.

Галицкий 2002 — *Галицкий В. П.* Цзян Цзинго: трагедия и триумф сына Чан Кайши. М.: РАУ-Университет, 2002.

Кольцов 1927 — *Кольцов М. Е.* Отец и сын // Правда. 21 апреля 1927 г.

Ларин 1994 — *Ларин А. Г.* Цзян Цзинго в России // Современный Тайвань. Иркутск: Улисс, 1994. С. 127–144.

Ларин, Лукин 2023 — *Ларин А. Г., Лукин А. В.* Жизнь Цзян Цзинго в СССР и становление его мировоззрения // Общество и государство в Китае. Т. LII. М.: ИВ РАН, 2023. С. 297–340.

Панцов 2019 — *Панцов А. В.* Чан Кайши. М.: Молодая гвардия, 2019.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Спичак, 2012 — *Спичак Д. А.* Китайский авангард Кремля: революционеры Китая в московских школах Коминтерна: (1921–1939). М.: Вече, 2012.

Ян Ю-Чен 1936 — *Ян Ю-Чен*. Письмо сына Чан Кай-ши к матери // Ленинградская правда. 9 февраля 1936 г. С. 2.

Denny 1936 — *Denny H.* Son repudiates Chiang Kai-Shek // The New York Times. February 12, 1936.

Larin, Lukin 2021 — *Larin A., Lukin A.* Chiang Ching-kuo's life in the USSR and its possible formation of His worldview // <https://presidentialcck.drnh.gov.tw/index.php?act=Archive/article/PATA00001> (дата обращения: 29.11.2022).

Дун Вэйкан и др. 1988 — *Дун Вэйкан* 董伟康, *Хэ Жоюань* 贺若渊, *Ван Сюйци* 王绪圻. Цзян Цзинго цзай далу 蒋经国在大陆 (Цзян Цзинго на материке). Пекин: Чжигун цзяюй чубаньшэ 职工教育出版社, 1988.

1935 нянь — 1935 нянь Цзян Цзинго се гэи Сун Цинлинь дэ ифэнсинь 1935 年蔣經國寫給宋慶齡的一封信 (Письмо Цзян Цзинго к Сун Цинлин 1935 г.) // Информационно-развлекательный портал «И ду» 壹读. URL: <https://read01.com/PMn36Pz.html#.Y1fDUuRBw2x> (дата обращения 29.11.2022).

Сюй Су 1988 — *Сюй Су* 徐甦. Цзян Сун дацзяцзу 蒋宋大家族 (Кланы Цзян и Сун). Шэньян: Ляонин жэньминь чубаньшэ 辽宁人民出版社, 1988.

Цзян Цзинго — *Цзян Цзинго* 蔣經國. Во цзай Сулянь дэ жицзы. 我在蘇聯的日子 (Мои дни в Советском Союзе) // Интернет портал Национальной академии истории (Тайбэй). URL: <https://presidentialcck.drnh.gov.tw/index.php?act=Archive/preview/11d7bebc065f0d7db9aea5d08fe1f1d8#ea1cff1b4f2813b72fcf5c45346a852807c39cc9> (дата обращения: 29.11.2022).

Люй Фаншан 2014 — *Люй Фаншан* 呂方上 (гл. ред. *чжубянь* 主編). Цзян Чжунчжэн сяньшэн няньпу чанбянь 蔣中正先生年譜長編 (Большая погодичная биография господина Цзян Чжунчжэна [Чан Кай-ши]). Т. 5. Тайбэй: Гошигуань 國史館, 2014.

Чэнь Шоуюнь 2011 — *Чэнь Шоуюнь* 陳守雲. Цземи Цзян Цзинго解密蔣經國 (Рассекреченный Цзян Цзинго). Тайбэй: Сювэй цзысюнь 秀威資訊, 2011.

Юань Наньшэн 2005 — *Юань Наньшэн* 袁南生. Сыдалинь, Мао Цзэдун юй Цзян Цзеши 斯大林, 毛泽东与蒋介石 (Сталин, Мао Цзэдун и Чан Кайши). Чанша: Хунань жэньминь чубаньшэ 湖南人民出版社, 2005.

Хатано Кэнъити 1961 — *Хатано Кэнъити* 波多野乾一 (ред. *хэн* 編). Тю:гоку кё:санто:си. Сирё:сю сэй 中國共產黨史.資料集成 История Коммунистической партии Китая. Собрание материалов. Токио: Дзидзи цу:синся 時事通信社, 1961.